

РУССКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТОМ «НАШ + АНТРОПОНИМ»

В статье рассматриваются русские и белорусские поговорки с субъектом, выраженным сочетанием притяжательного местоимения “наш” и имени собственного, анализируются структурные, семантические и функциональные особенности данных паремнологических единиц.

Ключевые слова: поговорка, паремнологическая единица, притяжательное местоимение, антропоним.

Одним из типичных для русских и белорусских поговорок способов выражения субъекта является сочетание притяжательного местоимения *наш* и антропонима. Имя собственное в конструкциях такого рода является сложным языковым знаком, зачастую представляющим собой «антропонимическую формулу», сочетающую дейктическую, социально-информативную и культурно-информативную функции. Специфика употребления имени собственного в поговорках заключается в том, что оно не соотносится с конкретным носителем, а подвергается переосмыслению и выступает как «условное» имя, функционально тождественное имени нарицательному, «... утрачивает идентифицирующую функцию» [1: 101].

В сочетаниях «*наш* + антропоним», представленных в поговорках, притяжательное местоимение тоже подвергается переосмыслению, перестаёт выступать в качестве референциального показателя и практически утрачивает значение принадлежности. Лично-притяжательное местоимение *наш* служит для выражения отношений «социальной посессивности»: указывает на родственную, дружескую, любовную связь персонажа поговорки с субъектом-посессором, на их национальную, территориальную, «профессиональную» общность и др. Функционально-смысловой потенциал посессива *наш* в сочетаниях с именами лиц настолько широк, что это местоимение может, во-первых, указывать на разного рода функциональное целое типа ‘я и другие’, ‘мы и другие’; во-вторых, совместно с существительным-релятом при обращении (непосредственном или опосредованном) к другому лицу передавать значение ‘ты / вы’; наконец, объединяясь в содержательном отношении с именем лица, выражать значение ‘он (она, они)’. В двух последних случаях притяжательное местоимение в большей степени утрачивает посессивное значение и обязательно характеризуется эмоционально-экспрессивной окраской, причём, как правило, пейоративного типа.

То, что антропоним в анализируемых поговорках характеризуется как косвенный апеллатив, подтверждается взаимозаменяемостью собственного и нарицательного существительных при передаче в поговорках одного и того же содержания: рус. *Нашему Ивану нигде нет талану – Нашему барану (болвану) ни в чём нет талану; У нашей Пелагеи*

всё новые затеи – У наших зятей много затей. Ограничения в использовании лексических дублетов такого рода связаны с рифмизацией паремий: в состав сочетания «наши + антропоним» может входить только такой субстантив, который приводит к организации рифмованного текста. Более распространена замена одного имени собственного другим, имеющим подобный звуковой строй: рус. *Наш Андрей никому не злодей – Наш Авдей никому не злодей; Наш Мишка не берёт лишка – Наш Гришка не берёт (не просит) лишка*; бел. *Наша Хвядора то шые, то пора – Наша Сора то шые, то пора, а ўсё (толькі) ніткам гора*. Наблюдается также случай взаимозамены личных мужского и женского имен: рус. *Наш Сергунька не брезгунька, ест пряники и неписаные – Наша Дунька не брезгунька, жрёт и мёд*. В целом случаи употребления женских имён в составе сочетаний «наши + антропоним» в количественном отношении значительно уступают мужским: рус. *Наша Анна, как каша манна; У нашей Федосьи из глаз растут волосы; У нашей Анисьи всё в брюхе скисло*; бел. *У нашай Хадоркі адны адаворкі; У нашае Насці заўсёды няличасце*.

Выбор между мужским и женским личным именем при включении его в состав паремиологической единицы играет определённую роль, однако более важное значение при формировании такой конструкции имеет способность антропонима участвовать в рифмизации паремии. Пословицы и поговорки с компонентом «наши + антропоним», как правило, блестяще ритмически организованы, «рифма иногда становится отправным пунктом целого повествования, в котором действия персонажей обусловлены лишь... ассоциативными возможностями имени» [2: 164]: рус. *Наш Фаддей проживёт и без затей; Наша Варвара не любит ухи без навара; Наша Татьяна и не евши пьяна*; бел. *Нашаму Харытону няма нідзе прытону; Наш Анціп да літары прыліп; Тут наш Грышка першы з лыжкай*. Обозначенной выше функцией объясняется в значительной степени (наряду с выражением дополнительной экспрессии) использование в таких конструкциях имён собственных с суффиксами субъективной оценки: рус. *У нашего Андрюшки нет ни полушки (полуполушки); Нашему Кузьеньке то широко, то узенько; У нашей Васеньки про всё побасенки; Федорушка наша пьёт до донушка, донушко поворотит и в донушко поколотит*; бел. *Добра нашаму Юрку: сам на печи, ногі ў пачурку; А нашай Марынцы ўсё па старынцы*. В следующих паремиях остальные компоненты «подчиняются» антропониму, образуя с ним рифмованную пару: рус. *Хороша наша Дарья: и плачья, и вралья; бел. Наш Тадэуш – які ядэуш, такі рабатэуш; У нашага Казіміра адна міра (міра – диал. ‘мера’)*.

Тем не менее будет неверным свести значение имени собственного в анализируемых паремиях только лишь к функции экспрессивно окрашенного косвенного апеллятива, служащего целям рифмизации. Во многих случаях можно говорить о более серьёзных основаниях для введения в паремию того или иного антропонима. Речь идёт об именах, подвергшихся обобщению, «символизации» (В.М. Мокиенко) благодаря присущей им социальной оценочности. Причём не вызывает сомнений двусторонний характер этого процесса: имя реализует в контексте социально значимые коннотации (как правило, негативные), а контексты закрепляют их; антропоним приобретает «пословичную репутацию». «Репутация» злого, мстительного, драчливого субъекта у Кузьмы (*Наш Кузьма всё бьет со зла*); глупого, простоватого – у Мирона (*Где наш Мирон – там и урон*); лоботряса, дармоеда и пьяницы – у Тита (*Наш Тит и под лавкой (езде) спит; У нашего Тита и пито, и бито (за пьянство спина бита)*); бедного, несчастного – у Макара (*Нашему*

Макарке всё огарки; Нашему Макару всё угарно) [2; 3]. В паремиях, где в сочетаниях с посессивом *наш* представлено имя *Иван*, его носитель изображается, как правило, несчастным, невезучим человеком. Данный антропоним встречается в паремиологических единицах в разных вариантах: рус. *Нашему Ивану нигде нет талану (к обедне пришёл – обедня отошла, к обеду пришёл – отобедали)*; *Нашему Ванюшке всегда под ногами (всё по дороге) камушки; Нашему Ванюхе и на печке ухаб; бел. Наш Иван не балван: што паймаў, то ў карман; Нашаму Яну няма нідзе талану.*

Определённая социальная оценка, «присвоенная» тому или иному имени собственному, во всех случаях подтверждается не одним фольклорным текстом, а впоследствии может быть закреплена и фразеологически.

Важнейшей функцией антропонимов в пословицах и поговорках является отражение национальной самобытности именованного того или иного народа. Национальная специфика обнаруживается и в паремиях, принадлежащих близкородственным языкам. Сравн., например, *У нашего Куприяна все дети пьяны; Наш Пахом с Москвой (всюду) знаком; У нашего Власа ни костей, ни мяса; Наш Наум себе на уме: слушать-слушает, а знай щи хлебает; У нашей Пести все в тесте, а про обед нет вести* – тексты, содержащие самобытные русские имена, и белорусские паремии, включающие в себя сочетания со специфическими формами антропонимов: *Нашаму Атроху засыпалі гароху* (*Атрох* – форма мужского личного имени *Атрахім*); *Бог ведае, святая карчма, ці будзе наш Віктусь без водкі* (*Віктусь* – одна из форм мужского имени *Віктар*); *І наша Парася мёду напілася* (*Парася* – форма женского личного имени *Праскоўя, Параскева*). В то же время русские и белорусские паремии имеют общий антропонимический фонд. В качестве примера приведём параллельные конструкции: *Наш Антон не горюет (не тужит) о том – Наш Антон не тужыць па том; Нашему Ивану нигде нет талану – Нашаму Івану няма талану; У нашей Катерины и свадьба, и крестины – У нашай Кацярыны вяселлі і крысьціны.*

Сочетания «*наш* + антропоним» представлены в анализируемом паремиологическом материале четырьмя основными моделями:

1) «*наш* + сущ. в И. п.» (наиболее активно): рус. *Наш Филат тому и рад; Наш Демид прямо глядит (не туда глядит); Наша Варвара не любит уха без навара; бел. Наш Андрэй за ўсіх мудрэў; Наш Васіль на работу без сіл, а клёцкі за чатырох жарэ; Наша Парася на ўсе штукі прыдалася;*

2) «*наш* + сущ. в Р. п. с предлогом *у*»: рус. *У нашего Филата спина горбата; У нашего Куприяна все дети пьяны; бел. У нашага Фядота не клёцца работа; У нашае Насці заўсёды няччасце;*

3) «*наш* + сущ. в Д. п. без предлога»: рус. *Нашему Петру скотина не ко двору; Нашему Мине начёсано в спине; бел. Нашаму Харытону няма нідзе прытону; Нашаму Атроху засыпалі гароху;*

4) «*наш* + сущ. в В. – Р. п. без предлога» (только в русском паремийнике): рус. *Нашего Фому тянет ко всему: и ко хлебу, и к вину – кланяйтесь ему!; Нашего Данила земля придавила (жена удавила); Нашего Егорья не объегоришь.*

Вне зависимости от формы данные сочетания выполняют в предложениях-паремиях функцию семантического субъекта, который может совпадать (первая модель) и не совпадать с грамматическим (вторая, третья, четвертая модели).

По названным моделям образуются паремии, выражающие оценку человека, обусловленную значением относительной принадлежности (характером межличностных отношений). Позитивная характеристика субъекта, маркированного признаком *наш*, встречается в русских и белорусских паремиях крайне редко. Единичные примеры паремиологических единиц такого рода характеризуются тем, что положительная оценка выражается в них, как правило, не в чистом виде: осуществляется или путём сравнения, или через отрицание негативного признака: рус. *Наш Тарас не хуже вас; Наш Авдей (Андрей) никому не злодей; Наш Зинька не розинька*; бел. *Наш Пятрук не цецярук*.

Критическое отношение к «нашим», выраженное в паремиологических единицах с компонентом «*наш* + антропоним», объясняется, как правило, тем, что эти люди занимают социальное положение, вызывающее негативную оценку посессора, или не связаны с субъектом-посессором отношениями кровного родства. С помощью анализируемых паремий порицаются многочисленные человеческие недостатки и пороки. Выше уже говорилось о некоторых из них в связи с соотносённостью с тем или иным именем собственным. Итак, в анализируемых паремиях критически оцениваются, осуждаются (часто в образной форме): равнодушие, «толстокожесть», чёрствость (рус. *Нашего Мины не проймёшь в три дубины; Наш Антон не тужит о том: мать умирает, а он со смеху помирает*; бел. *У нашай Параскі ні зневу, ні ласкі*); лживость (рус. *Нашего Абросима не-весть куда забросило*); чванство, заносчивость, спесивость (рус. *Наш Федул губы надул; Наш Севастьян не узнал односельчан*); лень, тунеядство (рус. *У нашего у Фали рукавицы спали; У нашего Егорки на все отговорки; Наш Фаддей – ни на себя, ни на людей*; бел. *Наш Васіль на работу не сіл, а як клёцкі ў малаку – за чатырох павалаку*); пустословие (рус. *Речист, как наш Феклист*); пьянство (рус. *У нашего Тита пито, перепито; Наш Ерошка не пьет понемножку*) и другие пороки. Отрицательно-оценочный характер имеет и большинство паремий с сочетанием «*наша* + имя женщины», в которых порицается неумение вести хозяйство, стремление к праздности и весёлому времяпрепровождению, неряшливость: рус. *У нашей Палашки все драны рубашки; Наша Дуня грязна, как гуня; Наша Даша всё «ох» да «крех»*; бел. *У нашай Кацярыны штодзень (штогод) хрэсьбіны і радзіны; У нашай Хвядоры адны адгаворы: не магу*.

В многочисленных паремиях с компонентом «*наш* + антропоним» говорится о бедности, материальных трудностях персонажа: рус. *Наш Афоня в одном балахоне и в пир, и в мир, и в подоконье; У нашего Игнашки ни свечки, ни барашка; У нашего Тимошки всё крохи да крошки – ломтя не видать; Наш Мирошка ест и без ложки (подбирает и крошки)*; бел. *Наш Пятрук ходзіць без парток; У нашага Кандрата ўся хата абадрата*. Такие паремиологические единицы передают, как правило, сочувственное отношение говорящего к персонажу паремии и могут использоваться для выражения жалоб по поводу своего негативного материального положения.

Преимущественному выражению в паремиях с компонентом «*наш* + антропоним» отрицательной характеристики персонажей, маркированных притяжательным местоимением, способствует то, что в названных сочетаниях переосмыслению подвергаются оба компонента, а притяжательное местоимение при этом утрачивает значение собственно принадлежности (для прономинатива *наш* – принадлежности субъекту-говорящему). Обозначение субъекта высказывания посредством семантически видоизменённого ком-

понента, где *наш* не означает ‘принадлежащий нам’, а имени собственному свойственно обобщенно-характерологическое значение, имеет, как правило, аллегорический характер.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Шмелёв Дмитрий Николаевич. Референциальная интерпретация сочетаний вида «местоимение + имя собственное» / Д. Н. Шмелёв // Русские местоимения: семантика и грамматика : Межвузовский сборник научных трудов. – Владимир : ВГПИ, 1989. – С. 93–101.
2. Мокиенко Валерий Михайлович. В глубь поговорки / В. М. Мокиенко. – СПб. : Паритет, 1999. – 224 с. – ISBN 5-8097-0020-9.
3. Мокиенко Валерий Михайлович. Почему так говорят? От Авося до Ятя : Историко-этимологический справочник по русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – СПб. : Норинт, 2003. – 512 с. – ISBN 5-288-0152-4 : 50.62.
4. Даль Владимир Иванович. Пословицы русского народа : Сборник : в 2-х т. / В. И. Даль. – М. : Художественная литература, 1984.
5. Прыказкі і прымаўкі ў 2-х кн. / Рэд. А. С. Фядосік. – Мн. : Навука і тэхніка, 1976.
6. Рапановіч Яўген. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / Я. Н. Рапановіч. – Выд. 2-е, дап. і перапр. – Мн. : Вышэйшая школа, 1974. – 384 с.

Стаття надійшла до редакції 14.06.13

I. Гомонова канд. філол. наук, ст. викладач
ГГУ імені Ф. Скорини, Гомель, Білорусь

РОСІЙСЬКІ І БІЛОРУСЬКІ ПАРЕМІЇ З КОМПОНЕНТОМ «НАШ + АНТРОПОНІМ»

У статті розглядаються російські і білоруські паремії з суб'єктом, які виражені поєднанням присвійного займенника “наш” і власного імені, аналізуються структурні, семантичні і функціональні особливості даних пареміологічних одиниць.

Ключові слова: паремія, пареміологічна одиниця, присвійний займенник, антропонім.

RUSSIAN AND BELARUSIAN PROVERBS WITH THE SUBJECT EXPRESSED BY A COMBINATION OF THE POSSESSIVE PRONOUN “OUR” AND A PROPER NAME

The article deals with Russian and Belarusian proverbs with the subject expressed by a combination of the possessive pronoun “our” and a proper name. The structural, semantic and functional features of these paremiological units are analyzed.

Key words: proverb, paremiological unit, possessive pronoun, anthroponym.